

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ГОВОРЯТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ?

С т е н о г р а м м а п у б л и ч н о й л е к ц и и
доктора исторических наук В. К.
Н И К О Л Ь С К О Г О, прочитанной
6 апреля 1945 года в Лекционном
зале в Москве.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ГОВОРЯТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ?

Стенограмма публичной лекции
доктора исторических наук В. К.
НИКОЛЬСКОГО, прочитанной
6 апреля 1945 года в Лекционном
зале в Москве.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Языки мира	3
Как объяснялась множественность языков	6
Есть ли язык у животных	8
Как возникла человеческая речь	14
От многих языков к немногим	17

Языки мира

Удивительно многообразие человеческой речи на земле. Учёные насчитывают на земном шаре приблизительно 2—3 тысячи языков. Среди них есть и настоящие гиганты — мировые, или международные, языки: русский, английский, французский, а на Востоке — китайский, арабский и др., — и языки-карлики — языки мелких народностей, например многих негритянских народов в Африке, племенные языки папуасов Новой Гвинеи, индейцев Северной и Южной Америки, австралийских племён и т. п.

Мировые языки распространены во многих частях земного шара. Ими пользуются наряду с родной речью для международного общения. Таков русский язык, знание которого в качестве международного языка укоренилось, кроме СССР, среди всех славянских наций Европы (болгар, чехов, поляков, сербов и др.), а также в Румынии и Финляндии. Благодаря старым торговым и культурным связям русский язык понимают также во многих странах Востока (Монголии, Манчжурии, Иране и др.); вместе с переселенцами он издавна проник в Северную Америку (США и Канаду). Поэтому знание русского языка, как языка международного, распространено в самых различных странах; на нём говорят свыше 250 млн. человек, в том числе около 100 млн. человек говорят на нём как на родном языке¹.

На английском языке говорят многие нации: англичане, ирландцы, американцы, канадцы, австралийцы, новозеландцы, южноамериканцы; английский язык широко распространён в Египте, Индии, Китае, в государствах Передней Азии и т. д. Как международным языком им пользуются свыше 540 млн. человек. Как на родном, на нём говорят 170 млн. человек (из них 106 млн. в США и 47 млн. в Англии). Французский язык, как международный, употребляют свыше 107 млн. человек в различных частях земного шара (Северная Африка, Индо-Китай, Канада, Луизиана, Гаити и др.).

На китайском языке говорят около 400—500 млн. человек в самом Китае; однако благодаря значительному расхождению народных наречий настоящим международным языком в

¹ Приводимые в лекции цифры приблизительно и даются применительно к данным 1926 года.

Китае является язык иероглифической письменности ¹. Его знают жители всех провинций Китая; в тех случаях, когда недостаточно понимают один другого, они могут вести письменный разговор друг с другом. Иероглифическая письменность ещё в древности проникла из Китая в Корею, а в начале V века нашей эры — в Японию, которая до того времени была бесписьменной страной. Вследствие этого китайская письменность на Дальнем Востоке представляет собой подлинно международный язык, применяемый 500—600 млн. человек в различных государствах.

Арабский язык распространён во всех мусульманских странах как язык религиозного образования и науки. Его знают на огромном пространстве — от Марокко до Северной Индии и Малайского архипелага, от Балкан до Западного Китая. На нём говорят как на родном языке около 37 млн. человек. Из остальных, если не международных, то во всяком случае межнациональных языков следует упомянуть испанский, на котором говорят в Испании и во всей (кроме Бразилии) Латинской Америке; португальский, который охватывает до 45 млн. человек, в том числе около 30 млн. в Бразилии; голландский, на котором говорят до 60 млн. человек, и, наконец, японский язык, которым пользуются до 75 млн. человек, в том числе как родным — до 55 млн. Следует упомянуть также, что в Северной Индии межнациональным языком, употребляемым многими народностями и племенами в качестве разговорного, служит язык индустани, на котором говорят как на родном около 33 млн. человек, а вообще употребляют свыше 100 млн. человек, в то время как на крупнейшем национальном языке этой страны — бенгали, родном языке писателя Рабиндраната Тагора, — говорят до 50 млн. человек.

На немецком языке говорило раньше до 80 млн. человек в Германии, Австрии, Швейцарии, Чехословакии, Польше и в бывших африканских колониях Германии. Однако в результате грабительских войн германского фашизма немецкий язык теряет свою былую популярность.

Во многих частях земного шара, где ещё сохраняются мелкие племена и народности, на отдельных языках говорит значительно меньшее количество людей: так, в Африке среди более культурных негров банту, говорящих на 79 языках и насчитывающих до 50 млн. населения, в среднем на один язык приходится около 600 тыс. человек. Стоящие на менее высокой ступени развития суданские негры при общем количестве населения в 45—50 млн. человек насчитывают в среднем по 100 тыс. человек на язык. Однако и здесь имеются языки, служащие для межплеменного общения. Таков у негров банту

¹ Иероглифами называются сложные, состоящие из штрихов или линейных знаки, каждый из которых изображает целое понятие, слово или слог.

язык суахели, знание которого распространено от Занзибара до верховьев реки Конго, среди 15 млн. негров, в то время как на родном на нём говорит всего до 3 млн. человек. Таков же у суданских негров язык мандинге в верхнем и среднем течении реки Нигер, которым пользуются 4,5 млн. негров, в том числе 2,5 млн. человек говорят на нём как на родном. Маленькие племена бушменов и готтентотов в Южной Африке, сохранившие очень древние звуки человеческой речи, так называемые прищёлкивания языком, насчитывают всего по несколько тысяч и даже по несколько сот человек.

Энгельс по материалам Моргана установил, что племена индейцев в Северной Америке насчитывали лишь по несколько тысяч человек, и каждое из них говорило на особом языке. Если же два ослабевших племени сливались в одно, то они говорили тогда на двух родственных диалектах. Различия между наречиями грамматически не так велики, чтобы мешать полному взаимному пониманию говорящих; различия же между языками обычно таковы, что для полного взаимного понимания требуется переводчик или употребление вспомогательного, межплеменного, или международного языка.

Наиболее древние племена мы находим в Австралии; они насчитывают в среднем по несколько сот человек и говорят на отдельных племенных языках. Для международного же общения здесь употребляется ручной язык — язык жестов, похожий на ручную речь глухонемых. Знаменитый русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, посетивший в 1871 году в качестве первого европейца один из берегов Новой Гвинеи, писал: «Жители деревень... на расстоянии часа ходьбы одна от другой... почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они продолжались больше одного дня, мне требовались два или три переводчика, которые должны были переводить друг другу вопросы и ответы».

Пестрота человеческой речи на земле увеличивается ещё от того, что наряду с живыми языками существуют и мёртвые языки, причём количество мёртвых языков, существовавших, по историческим сведениям, на земле, но исчезнувших, превышает число языков живых. Однако многие из мёртвых языков благодаря тому, что на них сохранилась ценная художественная и научная литература, изучаются и сейчас. Таковы латинский и древнегреческий языки, употребляемые и в наши дни в научном обиходе, старославянский язык, на котором были написаны первые книги славян. От некоторых мёртвых языков уцелели лишь отдельные надписи и отрывки рукописей; тем не менее и они имеют большое значение для исторической науки (например халдский язык, клинописные надписи на котором в Закавказье являются древнейшими историческими документами, полабский язык славян и др.). От многих языков, не оставивших надписей, сохранились, однако, следы в названиях

местностей и именах людей. Так, названия многих городов в Центральной и Северной Германии, например Берлин, Дрезден, Лейпциг, Штеттин, Любек и др., много фамилий, в том числе фамилии крупнейших немецких философов, писателей, военных и политических деятелей, как Кант, Лейбниц, Вирхов, Кунов, Зейдлиц, Клаузевиц, Гуцков, Бюлов и др., — славянские по происхождению. Это доказывает, что первоначально на территории Германии, к востоку от реки Эльбы (Лабы) жили славяне, которых можно условно назвать северозападными. Они не были истреблены, несмотря на все усилия немецких феодалов, и в большинстве сохраняли вплоть до XVII века свой язык, внося свой вклад в мировую историю и культуру.

Все существующие и существовавшие языки мира мы можем классифицировать на основе смены форм человеческого общения. Первые люди жили первобытными стадами, из которых впоследствии возникли более сложные формы общения людей — племена, состоявшие из родов и семей. С разложением первобытно-общинного строя, в классовом обществе, из племён возникли народности, а из народностей и племён, в процессе возникновения и развития капитализма, родились нации. «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма, — говорит товарищ Сталин, — является в то же время процессом складывания людей в нации»¹.

На основе этого процесса развития общества из недошедших до нас стадных языков образовались языки племенные, из племенных — языки народностей, а затем — национальные языки. И поскольку в истории человечества происходил непрерывный процесс смешения и скрещивания племён, народностей и наций, то в полном соответствии с этим имели место постоянное смешение и скрещивание языков.

Этот общий процесс развития всех языков мира академик Марр назвал единым глоттогоническим (языкотворческим) процессом.

Итак, рассматривая всё множество языков — живых и мёртвых, литературных и бесписьменных, национальных, племенных и межплеменных, — мы приходим к выводу, что цифра в 2—3 тысячи языков для земного шара весьма приблизительно и не даёт полного и точного представления о действительном многообразии, богатстве и пестроте человеческой речи на земле. Откуда же происходит это обилие и разнообразие языков?

Как объяснялась множественность языков

Люди с древнейших времён интересовались вопросом, откуда происходят различия между языками и почему люди говорят не на одном языке. Австралийцы рассказывают легенду

¹ И. Сталин «Марксизм и национальный вопрос», 1939 г., стр. 12.

о том, что после того, как умерла одна злая старуха, все племена, собравшись отпраздновать её смерть, стали, по обычаю, пожирать отдельные части трупа покойницы и вдруг заговорили на непонятных языках. Так злая старуха и после смерти навредила людям.

В библии — книге, которая содержит мифы древних евреев и составлена на древнееврейском языке в первом тысячелетии до нашей эры, — происхождение различных языков изложено так. После того как первый человек, Адам, дал названия «всем скотам и всем птицам небесным и всем зверям земным», когда люди размножились и собирались расселиться по всей земле, они решили «создать себе имя» и начали строить город и столп (башню) «высотой до небес». Бог посмотрел на них тогда и сказал: «Род один и язык один у всех, то, что начали они делать, они не перестанут, пока не окончат. Пойдём и смешаем им языки...» И рассеял их бог по лицу всей земли, и перестали они строить город и башню.

Английский учёный Фрезер так толкует эту сказочную легенду о построении Вавилонской башни и так называемом «вавилонском столпотворении».

В древности Вавилон был крупнейшим городом мира, с населением около 2 млн. человек. Его украшали многоэтажные дома и высокие храмы. Близ города находилась недостроенная каким-то древним царём башня Борсиппы. На базарах Вавилона звучали языки всех народов древнего мира. На бедных жителей пустыни, скотоводов-евреев, Вавилон производил впечатление места, где произошло чудесное смешение языков и народов; недостроенная же башня Борсиппы могла послужить основой библейского мифа.

В позднейшие века, пишет Фрезер, стали предполагать, что первоначальным языком человечества был еврейский язык. Другие уверяли, что Адам говорил в раю на баскском языке или что Адам и Ева говорили по-персидски, змей, соблазнивший их, — по-арабски, а архангел Гавриил, — по-турецки. Наконец, нашёлся такой чудак среди «учёных», который всерьёз доказывал, что бог обращался к Адаму по-шведски, Адам отвечал ему по-датски, а змей говорил с Евой по-французски.

В отличие от этих наивных сказок древнегреческий учёный Диодор Сицилийский ещё 2 тысячи лет тому назад пытался объяснить происхождение множественности языков и наречий у людей естественными причинами. «Первоначально, — писал он, — люди жили, говорят, неустроенной и сходной со зверьми жизнью, выходили вразброд на пастбища и питались вкусной травой и древесными плодами. При нападении зверей нужда научила их помогать друг другу, и, собираясь вместе от страха, они начали постепенно узнавать друг друга. Голос их был ещё бессмысленным и нечленораздельным, но постепенно они

перешли к членораздельным словам и, установив друг с другом символы для каждой вещи, создали понятное для них самих изъяснение относительно всего. А так как такие объединения имели место по всему миру, то язык оказался не у всех равнозвучным, поскольку каждый случайным образом составлял свои слова: отсюда разнообразие в характере языков, а первоначально возникшие объединения положили начало всем племенам»¹.

Несмотря на наивность предположения, что люди сначала жили в одиночку, а затем, собравшись в стада, установили сразу в каждом стаде множество названий для всех предметов, древнегреческие учёные всё же не только догадывались, что древнейшая человеческая речь была грубой и нечленораздельной, но и ясно сознавали, что у людей с самого начала не могло быть одного языка. Кроме того эти учёные уже понимали, что нельзя объяснить происхождение множества языков, не отвечая в то же время на вопрос, как начали люди говорить, откуда вообще появилась у людей человеческая речь и каким образом произошёл и развился сам человек из дикого животного состояния.

В наше время библейская сказка о происхождении сначала одного, а затем и многих языков звучит слишком наивно. Поэтому учёный-языковед, католический священник В. Шмидт (в книге «Языки земного шара», 1926 г.), уже, не ссылаясь на библию, возводит происхождение языка к богу лишь «в конечном счёте». Бог даровал человеку «способность» к языку, а осуществление этой способности он-де предоставил самим людям. Шмидт уверен, что в будущем удастся доказать, что вначале все люди говорили на одном языке, но никогда не удаётся, по мнению Шмидта, заполнить ту пропасть, которая отделяет человека от животного и, следовательно, речь людей от «языка» животных. Таким образом, Шмидт полностью замалчивает тот факт, что Дарвину давно удалось доказать происхождение человека из животного мира.

Против мнения Шмидта можно было бы привести суждения многих крупнейших языковедов, в том числе и академика Марра, о первоначальном многообразии языков. Но, чтобы распутать весь этот клубок противоречивых мнений, необходимо сначала ответить на вопрос: есть ли у животных язык, сколько-нибудь напоминающий речь людей?

Есть ли язык у животных

С древнейших времён люди верили, что у животных — зверей и птиц — есть свой язык. Как же решает этот вопрос наука?

Уже древние греки и римляне весьма интересовались жиз-

¹ «Античные теории языка и стиля», 1936 г., стр. 33.

нью таких насекомых, как пчёлы и муравьи. Знаменитый древнегреческий философ Аристотель (IV век до нашей эры) писал: «Пчёлы, муравьи, осы и журавли живут обществами, журавли и пчёлы под начальством особых животных, а муравьи — без начальства». Известный древнеримский натуралист Плиний (I век нашей эры) добавляет: «Так как муравьи приносят различные предметы с разных сторон, то у них бывают известные «ярмарочные дни», во время которых они осматривают всё принесённое. Тогда в муравейнике бывает большое возбуждение и происходит сильное движение и встречающиеся муравьи спрашивают друг у друга и усиленно разговаривают».

Несмотря на полусказочный характер этих сообщений, в которых древние авторы стремились уподобить людям муравьёв и других насекомых, новейшие исследования выяснили, что у пчёл различные настроения выражаются различным тоном их жужжания и что муравьи, как и пчёлы, великолепно отличаются чужака от жителя своего гнезда, даже если он находился в долговременном отсутствии. Главную роль здесь играет обоняние: «своих» узнают по тому общему запаху, который имеет всё гнездо (муравейник, улей) в целом. Однако муравьи, как и пчёлы, лишены индивидуальности и не могут узнавать отдельных своих «сограждан». Поэтому чужую матку пчёлы могут легко принять и признать за свою, если её предварительно поместить на несколько дней в улей в проволочной клетке, благодаря чему она становится по запаху одинаковой с другими его обитателями.

Подробному изучению подверглась способность муравьёв передавать друг другу различные сообщения. «Язык» муравьёв состоит в том, что взаимные прикосновения их усиков поддерживают общественный инстинкт (врождённую привычку к общению) и передают настроение или чувство насекомого другим. Взаимные соприкосновения усиков превратились у муравьёв в постоянную потребность. Будучи лишены их, муравьи приходят в состояние крайнего беспокойства. Дрожанием соприкасающихся усиков муравьи сообщают, между прочим, и направление движения к найденной одним из них добыче.

Однако это отнюдь не говорит о том, что у таких наиболее развитых насекомых, как перепончатокрылые, то есть у муравьёв и пчёл, есть что-либо, похожее на язык. Эти насекомые живут крупными сообществами — муравейниками, ульями — и инстинктивно, бессознательно привыкли прикасаться друг к другу усиками. Это стало их жизненной потребностью. Все поступки муравьёв и пчёл могут быть легко объяснены инстинктом, то есть бессознательными, врождёнными привычками.

Как же обстоит дело у более развитых животных — у млекопитающих?

Дарвин давно указал, что собака в обществе человека научилась выражать различными звуками (лаем, визгом, воем) свои чувства и желания. Однако даже низшие обезьяны в этом отношении превосходят собаку. В Парагвае обезьяна сапажу, говорит Дарвин, издаёт не менее шести различных звуков, которые вызывают в других обезьянах (той же породы) чувства, сходные с теми, которые волнуют её. Американец Гарнер, изучавший в течение всей своей жизни способы общения обезьян, издал специальные книги о «языке» обезьян. В книге Иеркса и Лирнед «Понятливость шимпанзе и её звуковые выражения» (1925 г.) был опубликован даже целый словарь шимпанзе.

На основе материала этой книги можно сделать вывод, что шимпанзе, воспитанные с малолетства в неволе, в обществе людей, обладают способностью издавать до 32 различных звуков, похожих на слоги человеческой речи и выражающих желания и чувства. Эти выкрики и звуки состоят из элементов, очень напоминающих человеческие гласные (а, у) и согласные (м, г, к, нг, х и т. д.), хотя они не так чётки и отработаны, как звуки нашего языка. Следовательно, отсутствие подбородка (подбородочного выступа) на нижней челюсти шимпанзе не мешает обезьяне произносить ряд губных, заднеязычных и гортанных звуков, сходных с человеческими.

Очень тщательно «язык» обезьян изучила русская исследовательница Лодыгина-Котс, опубликовавшая в 1935 году большую книгу «Дитя шимпанзе и дитя человека». Наблюдая в Москве детёныша шимпанзе по прозвищу «Иони» в возрасте 1,5 до 4 лет, она установила, что после лёгкой словесной дрессировки, сопровождаемой жестами, «Иони» научился понимать обращённые к нему человеческие фразы и даже сам издавал до 23 различных по качеству звуков, выражавших различные чувства и влечения, употребляя и ряд движений (жестов), тоже выражавших его настроения и стремления. В ответ на звуки, издаваемые человеком и подражающие звукам шимпанзе (например звуки уханья, кряхтенья, харканья, хрюканья), «Иони» издавал их ещё громче, как бы стараясь перекрычать человека. «Иони» прекрасно научился подражать собачьему лаю, но ни разу на протяжении двух с половиной лет Лодыгиной-Котс не удалось подметить у него никаких попыток и воспроизведению даже подобия человеческих членораздельных звуков.

Способности подражать звукам человеческой речи, в отличие от попугая, у обезьяны почти нет, хотя она хорошо подражает человеческим движениям. Попытки выучить обезьяну произносить простые человеческие слова поэтому потерпели неудачу. Иеркс пытался без специальной дрессировки, более или менее добровольно, научить шимпанзе произносить самые простые слоги человеческой речи, напоминающие сло-

ва (ба-ба, ко-ко, на-на). Несмотря на несколько недель усилий обезьяна, привлекаемая возможностью получить в награду за это любимые бананы, всё же не «заговорила». Иеркс отмечает, что во время одной из таких попыток обезьяна стала шевелить губами и даже пробовала произнести какой-то звук. Однако она так ничего и не произнесла.

Правда, путём специальной дрессировки обезьяну можно приучить произносить отдельное слово. Так, американец Фернесс (1916 г.) после шести месяцев упорного труда сумел обучить своего оранг-утана произносить слово «папа», которым обезьяна стала называть своего хозяина, слово «кап» (английское «чашка») и звук th. К сожалению, эти опыты, занявшие около года времени, были прерваны смертью обезьяны. Супругам Келлог тоже удалось обучить своего шимпанзе слову «папа». Однако уже самые медлительность и трудность обучения доказывают, что в лучшем случае путём дрессировки можно научить человекоподобную обезьяну произносить лишь несколько отдельных слов, но не обучить её связной человеческой речи.

Органы, производящие звуки, у обезьяны устроены сходно с органами речи человека: её гортань и мягкое нёбо, зубы, носоглотка выглядят, в особенности у шимпанзе, почти так же, как и у человека. Помимо того уже Дарвин отмечал, что психологические переживания выражаются у человека и у обезьяны весьма сходным образом («О выражении душевных движений у человека и у животных»). От удовольствия павиан «смеётся». «Если щекотать молодого шимпанзе,— пишет Дарвин,— то он издаёт... звук, похожий на хихиканье». Некоторые, не близко родственные человеку обезьяны выпускают слёзы от боли и неудовольствия. «Я заметил маленькие слёзы в углах её глаз...»,— говорит Гарнер об одной породе мелких чёрных обезьян. Недовольство выражается у шимпанзе таким выпячиванием губ, что невольно вспоминается русское выражение «Федул, что губы надул?» Кроме того обезьяны издают свои звуки не только полным голосом, но и шопотом. Они повышают и понижают музыкальный тон своей речи, и низшие обезьяны великолепно подражают «умоляющему» и «плачущему» тону человека.

Для выражения своих чувств и желаний обезьяны в неволе употребляют ряд телодвижений и действий, весьма напоминающих человеческие. Так, шимпанзе в неволе «зовёт» человека, бросая по направлению к нему мелкие камешки и другие предметы, или просто тащит его за руку, куда ему нужно. Своё дружеское расположение он выражает прижатием чужой руки к своему паху и дружеским похлопыванием по ней. Подобно человеку, обезьяна «просит» умоляющими звуками и «грозит» криком, стуком и топотом ног. Это сходство внешних выражений заставляет предполагать, что и чувства, желания,

переживаемые обезьяной, созвучны, близки к понятны человеку. «Мы понимаем игру физиономии и жесты обезьян, и они отчасти понимают выражение наших лиц и наши жесты», — пишет Дарвин в своей книге «Происхождение человека». Естественно, что обезьяна, в особенности человекоподобная, не говоря сама, легко и быстро научается понимать человека и обращённую к ней его речь. «Обе мои человекоподобные обезьяны, — говорит Фернесс, — были способны понимать, что им говорилось, с большей смыслённостью, чем любое специально выдрессированное домашнее животное, какое я только когда-либо встречал». В этом отношении человекообразные обезьяны безусловно превосходят всех животных и стоят ближе всего к человеку.

Однако обезьяны, обладая всеми предпосылками для речи, всё-таки не говорят. Это вынужден признать даже великий энтузиаст «языка» обезьян Гарнер: «Обезьяны не ведут связанного разговора. Их речь обыкновенно ограничивается одиночными звуками или выкриками, которые повторяются одинаковым образом. Предполагать же, что их язык разработан или имеет высоко общественный характер, — это значит утверждать безрассудное». Гарнеру вторят и Иеркс: «Речь для обезьяны — это нечто, лежащее сверх её сил», — и Лирнед: «Хотя молодой шимпанзе и употребляет значащие звуки в значительном количестве и разнообразии, но он не говорит в обычном и естественном смысле этого слова», — и другие исследователи.

Почему же обезьяна не говорит? Чем отличаются её звуки от человеческой речи? Ответ на этот вопрос давно дал знаменитый русский языковед Ф. И. Буслаев, когда он около столетия тому назад так определил сущность человеческой речи: «Из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, в которой выразился дар слова, есть уже целое предложение, что совершенно согласно с существенным назначением дара слова — передавать мысли членораздельными звуками; ибо только в целом предложении мысль может быть выражена»¹.

Маркс и Энгельс считали язык непосредственной действительностью мысли. Если язык — это воплощённая в звуках человеческая мысль, то предложение, по словам В. И. Ленина, представляет собой как бы «ячейку» («клеточку»), т. е. простейшую частицу нашей речи и мысли. Без мышления, без общества нет языка. Господствуя над природой, человек может мыслить и говорить не только о том, что его в данный момент окружает, но и об отсутствующем и отдалённом, он может думать и говорить как о настоящем, так и о прошедшем и будущем, человек может мечтать и о том, чего нет в действительности. Таким самостоятельным разумом не обладают даже

¹ Ф. И. Буслаев «Историческая грамматика русского языка. Этимология» 1875 г. стр. 1.

наиболее развитые из животных — человекообразные обезьяны. Правда, временами они поступают умно, проявляя находчивость и сообразительность, но они не имеют разума, не могут мыслить, поэтому не произносят слов, не умеют вести между собой настоящего разговора, как люди, не задают вопросов и не могут на них отвечать.

Почему же люди стали господствовать над природой, сплотились в общество, приобрели самостоятельность мысли и способность речи? В основе развития человеческого общества лежит труд и прежде всего труд по изготовлению орудий. Этим человек и отличается от животных. «Мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека», — писал Энгельс¹. Изготавливая сообща орудия и господствуя с помощью труда над природой, человек перестал целиком зависеть от окружающей природной среды. Стадо животных, предков человека, тем самым превратилось в человеческое общество. На основе этого и прямое переживание чувств, желаний и представлений у животного сделалось независимой от минутного состояния организма человеческой мыслью, а выкрики, непосредственно отражающие самочувствие животного, превратились в человеческую речь.

Как установил Дарвин, человек происходит от животных и именно от ископаемой обезьяны. Энгельс предположил, что предком людей была жившая некогда в жарком поясе необычайно высокоразвитая порода человекообразных обезьян. За последнее двадцатилетие английским учёным удалось найти в Южной Африке ископаемые кости человекоподобных обезьян, которые стоят ближе к человеку, чем горилла и шимпанзе. Этих обезьян называли «австралопитеками», т. е. южными обезьянами. Они ходили, повидимому, выпрямившись на двух ногах, сделав этим тот «решительный шаг к переходу от обезьяны к человеку», о котором писал Энгельс. Этот переход совершился лишь тогда, когда предки человека стали изготавливать для облегчения своего труда орудия. «Ни одна обезьянья рука, — пишет Энгельс, — не изготовила когда-либо хоть бы самого грубого каменного ножа»². Ни одна обезьяна не зажигает и не поддерживает огня и боится его, как и все остальные животные. Поэтому, по выражению Вениамина Франклина (1706—1790 гг.), человек — это животное, делающее орудия.

Однако предок человека стал делать орудия не в одиночку: наши предки были, по выражению Маркса, «общественными животными». Совместный труд развивал у доисторических людей не только их руки, но и их мозг, а следовательно, и способность мыслить. Во время труда, чтобы облегчить его, людям необходимо было начать работать и головой, т. е. думать, соображать. В ходе труда люди должны были почув-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 452.

² Там же, стр. 453.

ствовать и потребность говорить друг с другом, чтобы согласовывать свои совместные трудовые усилия, а не мешать друг другу. Так люди благодаря труду отделились от человекообразных обезьян.

«Эти создания,— пишет об обезьянах Гарнер,— сейчас находятся в таких условиях, какие человек прошёл некогда в ходе своего развития. Мы находим в них зародыши, из которых могли бы легко развиться все способности, которыми владеет человек, включая мысль, рассудок, речь и нравственные и общественные черты человека. Словом, они, как кажется, имеют, по крайней мере, сырой материал, из которого произошли наиболее возвышенные черты человека». Но сырой материал — это ещё не готовый материал: у животных не было языка, человечество не могло поэтому получить от них в наследство какую-нибудь оформленную речь. Зародышевая способность и речи, «язык» высших человекообразных обезьян лишь с превращением на основе развития совместного труда крикливой стаи обезьян в человеческое общество могли стать подлинной человеческой речью.

Хотя люди унаследовали от высших обезьян как развитые звукопроизводящие органы, сходные по устройству с человеческими, так и способность издавать звуки, близкие к некоторым звукам человека, они должны были пройти многие тысячелетия, прежде чем начать говорить.

Как возникла человеческая речь

Известный естествоиспытатель Эрнст Геккель (1834—1919 гг.) предположил, что между человеком и обезьяной должно было появиться переходное существо, которое он назвал «безмолвным человеком» (гомо алялюс). За ним, по Геккелю, следовал более развитый «глупый человек» (гомо ступидус) и, наконец, теперешний «разумный человек» (гомо сапиенс). В 1894 году стало известно, что голландец Евгений Дюбуа действительно открыл на о. Ява этого предположенного Геккелем ископаемого обезьяна-человека, или питекантропа. И этого, уже открытого человека Геккель назвал «безмолвным обезьяно-человеком» (питекантропус алялюс).

В 1944 году английский учёный Т. Риккард, не называя Геккеля, прямо опровергал его предположения о возможности «безмолвных» людей: «Единственная способность, которая отделяет полностью человека от диких животных, есть язык... Наш вид (т. е. человеческий род) и предлагаю назвать «говорящим человеком» (гомо локвенс)». При этом Риккард ссылается на мнение славного сподвижника Дарвина — Томаса Гексли: «Человек един по природе и строению с животными... (но) он один обладает чудесной способностью общепонятной и разумной речи».

Но только ли одна речь отличает человека от животных?

Истории не известны народы, которые не говорили бы звуковой речью. Самые ранние путешественники, первыми побывавшие в Америке, Австралии, на островах Океании, всюду находили дикарей, уже владевших весьма сложными по своему строю языками, богатыми словами и звуками. Нигде не нашлось никаких «безмолвных» людей. Все живущие на земле, даже самые отсталые, племена принадлежат к третьей, самой поздней ступени в развитии человека — к «разумному», или «новому человеку» (неоантропу). Однако можно ли назвать говорящими и более первобытных «древних людей» (палеантропов) и ещё более древних первоначальных людей или обезьянолюдей (питекантропов)?

На самой древней ступени развития, как это показали недавно находки возле Пекина в Китае (1931 г.), обезьянолюди (их называли синантропами, или «китайскими людьми») уже разводили огонь и выделывали каменные орудия. Бессильные в борьбе с природой один на один, они должны были жить тесно сплоченными стадами, взаимно выручая друг друга в обороне от хищников. И если современные обезьяны стаи поражают наблюдателей своей крикливостью, то кажется невероятным, чтобы древнейшие человеческие общества были безмолвными. Жалкие деревянные и каменные орудия, недостаточное развитие мозга требовали от обезьянолюдей большого физического и умственного напряжения при выполнении самых простых работ (изготовление орудий из дерева и камня, добывание и хранение огня, собирание растительной и животной пищи, оборона от хищников). В ходе такой работы и только во время её и понадобилось сообщать друг другу звуками не только свои чувства и желания, но и простейшие мысли для согласования усилий в общем труде. В такие моменты, чтобы облегчить свой труд, люди и начали говорить, применяя по-новому ту способность издавать звуки, которую они унаследовали от своих предков обезьян. «Коротко говоря,—пишет Энгельс,—формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, в органы рта постепенно изучались произносить один членораздельный звук за другим»¹.

Что же представляла собой эта древнейшая человеческая речь? Великий русский учёный Ломоносов около двухсот лет назад писал: «Правда, что кроме слова нашего можно бы мысли изображать через разные движения очей, рук и прочих частей тела... однако таким образом без света было бы говорить невозможно и... дела рук наших великим были б помешательством такому разговору...»². Того же мнения придерживался

¹ Ф. Энгельс. *Диалектика природы*, 1941 г., стр. 136.

² Ломоносов. *Грамматика*. 1756 г. гл. I, § 2.

Дарвин: «Мы могли бы употреблять для разговора пальцы... но занимать таким образом наши руки было бы весьма неудобно. Так как у всех высших млекопитающих голосовые органы устроены по одному общему плану с нашими, то очевидно, что если бы эту способность усовершенствовать, то непременно стали бы развиваться дальше именно эти органы — язык и губы». Так как речь возникла именно в процессе труда, то естественно, что для её обслуживания не могли быть использованы ни руки, ни зрение, которые при работе бывают заняты. Криками же можно было обмениваться, не отрывая ни глаз, ни рук от работы. Тот факт, что уши по своей способности воспринимать и различать звуки и шумы более соответствуют способности органов рта воспроизводить их, объясняется, по мнению Энгельса, тем, что постепенное развитие языка неизменно сопровождается соответствующим уточнением органа слуха.

Можем ли мы конкретно представить себе сейчас, как говорил первобытный обезьяночеловек? Когда ребёнок только что начинает говорить, то вначале он обычно одним слогом выражает целое предложение и даже ряд близких по значению мыслей. Так, слогом «ма» одна девочка выражала предложение «мама, подойди», «мама ушла», «это (какая-нибудь вещь) потерялось, пропало» и т. д. Человеческая речь даже в самом примитивном виде, вероятно, состояла из целых мыслей, а следовательно, и целых предложений. Как же произносились эти предложения? Древнейшая человеческая речь звучала в первобытных стадах обезьянолюдей около миллиона лет назад и, казалось, давно бесследно исчезла вместе с ними. Однако и в современных живых языках, если присмотреться к ним внимательнее, можно найти остатки каких-то полуживотных звуков, которые по своему значению равны целым предложениям. Звуки эти обычно не поддаются изображению буквами на письме, так как не походят на звуки обычной речи, сопровождаются телодвижениями и имеют часто по несколько значений, в зависимости от изменения интонации. Таковы, например, звуки, произносимые с закрытым ртом: «мму-хму» (в значении «да»), «мм??» (что?), «мык» («нет»). Прищёлкивание языком, подобное одному из бушменских звуков, например «нц!», на Кавказе имеет значение «не хочу», «нет»; такое же повторное прищёлкивание: «нц!..-нц!..-нц!..-нц!» с замедлением и понижением интонации к концу на Кавказе выражает удивление или соболезнование; на Украине с тем же значением говорят без пауз, быстро: «нц!-нц!-нц!-нц!». Наконец, у нянь, пестующих грудных младенцев, это же прищёлкивание обозначает: «улыбнись, развеселись».

Много таких звуков-предложений звучит в устах человека при обращении его к животным. Так, русские кучера останавливают лошадей звуком, который мы условно изображаем со-

четанием букв «тпру». На самом деле здесь звучит лишь одно дрожание губ, подобное нашему звуку «р», без всякого признака гласной и других согласных. Поэтому произносимый здесь единый согласный звук, составляющий целый слог, можно точно определить как слоговое губное «р». Интересно, что в абхазском языке сходный звук, представляющий, однако, обычный звук речи (фонему), употребляется в виде глагольного корня «утпры» — «насыщайся, наполняйся» (где гласное «у» обозначает второе лицо — «ты»). Для ускорения шага медленно идущих лошадей кучера употребляют особый продолжительный писк, производимый губами, который мы условно можем изобразить через «мцссс!.. мцссс!..» Замечательно, что сходный писк издаёт и американская (т. е. низшая широконосая) обезьяна сапажу, как сигнал смертельной опасности, при произнесении которого всё стадо обезьян стремглав бежит прочь. Одно отдельное причмокивание губами «мц!» мы часто употребляем по отношению к лакомой еде. На Кавказе тем же причмокиванием, повторённым несколько раз: «мц! мц! мц!», стараются развеселить грудного младенца, пестуя его на руках.

Все эти сочетания звуков выражают уже цельную, хотя ещё не расчленённую на слова мысль и потому могут быть названы звукопредложениями. Их следует рассматривать как пережитки первобытной речи, по которым мы можем составить некоторое представление о первоначальной речи обезьянолюдей, зазвучавшей в их стадах около миллиона лет назад.

Первоначальная речь — речь звукопредложений — появилась у обезьянолюдей не сразу. Первые человеческие стада, по мере того как труд становился необходимым условием жизни наших предков, должны были, размножаясь, расселиться по обширной территории, благоприятной для их жизни. Питаясь по преимуществу дикими растениями, мелкими животными, насекомыми, птичьими яйцами и т. п., первые обезьянолюди вели бродячий образ жизни. Область их первоначального расселения, расположенная в тропиках, должна была изобиловать естественными богатствами. Каждое стадо обезьянолюдей насчитывало на первых порах не более двух — трёх десятков особей. Языки на основе труда развивались самостоятельно, обособленно, отдельно в каждом таком крохотном стаде. В каждом первоначальном стадном языке едва ли могло быть больше сотни звукопредложений, но языков этих было много. Человеческая речь, следовательно, возникла не у самых первых людей, а тогда, когда человечество уже дробилось на много изолированных друг от друга первобытных стад.

От многих языков к немногим

Многие языки имеют очень большое сходство друг с другом. Когда, например, русские (великоруссы) слышат украин-

скую и белорусскую речь, то они даже без перевода улавливают общий смысл разговора. Когда мы слышим разговор на каком-либо другом славянском языке — польском, болгарском, сербском, чешском, — то сразу различаем отдельные слова, похожие на русские. Подобное же сходство наблюдается между французским, итальянским, испанским, португальским и другими романскими языками. Из подобного сходства языков некоторые учёные делали неправильный вывод, что такие группы сходных языков будто бы происходят от недошедших до нас предполагаемых «праязыков», т. е. языков-«прародителей» — праславянского, прароманского и т. д.

Сходство языков, объясняемое определёнными историческими условиями жизни тех или иных народов, наблюдается и в различных языковых системах, например, в румынском и, особенно в молдавском, языках, которые насчитывают в своём лексическом составе до 50 процентов слов славянского происхождения. В венгерском языке мы наблюдаем ещё большее скрещение угорских, тюрко-татарских, славянских и германских словарных элементов.

Национальные языки Европы складывались в процессе образования наций, говорящих на этих языках. Согласно классическому определению товарища Сталина, «нация—это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹. Нацию нельзя смешивать ни с расой, ни с племенем, т. е. ни с людьми одинакового цвета кожи или формы волос, ни с потомками, происходящими от общих предков. Каждая нация образовалась из людей различных рас и племён.

«Нынешняя итальянская нация,—писал товарищ Сталин,—образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён»².

Гитлеровские мракобесы нагло лгут, утверждая, что немцы якобы являются «избранной высшей расой». На самом же деле немецкая нация исторически сложилась из людей самых разнообразных рас и племён: германцев, славян, древних пруссов и других литовских племён, финнов, кельтов, аваров и пр., — и нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было расовой «чистоте» немцев.

Национальный язык, т. е. родной язык одной или нескольких наций, не связан с общим расовым или племенным происхождением людей. Национальным языкам, сложившимся лишь с возникновением капиталистических отношений, исторически

¹ И. Сталин «Марксизм и национальный вопрос», стр. 7.

² Там же, стр. 5.

предшествуют языки народностей, образовавшихся только в классовом обществе, а языки народностей происходят из ещё более мелких племенных и межплеменных языков, возникших в первобытной общине, подобно тому как на заре человеческой истории, в первобытных стадах людей, зарождались наиболее древние стадные языки. Чем дальше мы идём в глубь истории, тем многочисленнее, дробнее и мельче становятся человеческие общества и их языки.

Некоторые учёные, как например итальянский лингвист Тромбетти, совершенно неправильно считали, что все языки на свете произошли в конечном счёте от единого и единственного праязыка. Крупнейший советский лингвист академик Н. Я. Марр, ополчившись против такой «Вавилонской башни языков», писал, что «единый язык в прошлом—это фикция»¹. «Зарождение, рост и дальнейшее или конечное достижение человеческой речи, — писал Марр, — можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании... От широкого именно праязычного состояния в виде многочисленных моллюскообразных зародышей языков (т. е. стадных языков) человеческая речь стремится к вершине», — говорил Марр².

Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «...в любом современном развитом языке стихийно-возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»³.

На примере романских языков прекрасно видно, как происходит такое объединение языков. Из истории известно, что романские народы живут сейчас на территории, некогда подвластной древнему Риму, где первоначально существовали многие десятки небольших племён, принадлежавших самое меньшее к восьми различным языковым семействам и ветвям и говоривших на десятках племенных языков и наречий. В настоящее время на том же пространстве в Европе насчитывается всего шесть весьма сходных друг с другом романских языков: французский, испанский, португальский, рето-романский, итальянский, румынский, — некоторые из них имеют ещё более близкие им языки и наречия. Так происходит процесс концентрации, объединения языков.

Одновременно на тех же землях происходил и процесс смешения языков на основе смешения племён, народностей и, наконец, наций. Современные романские нации (итальянцы, французы, румыны и др.) представляют результат смешения мно-

¹ Н. Я. Марр. Избранные сочинения. Т. I, стр. 245.

² Там же, стр. 31.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 414.

гих народов; следовательно, и романские языки произошли путём смешения и скрещивания разных языков и наречий. Наконец, те же романские языки являются следствием развития «готового материала» — народного языка древнего Рима и его поселенцев на завоёванных землях, так называемой вульгарной (народной) латыни. Эта латынь была не гадательным праязыком, а действительным стержнем, вокруг которого происходил процесс уменьшения количества и одновременно укрепления и сближения языков. Все эти три стороны одного и того же явления и составили единый ход развития романских языков. Подобным же образом развивались и славянские, и угрофинские, и германские, и многие другие языки.

Возникновение русского языка стоит в тесной связи с образованием древнерусской народности в процессе объединения восточнославянских племён. В качестве «готового материала» в данном случае был использован язык восточных славян — антов, живших, по свидетельству писателя VI века Иордана, между Днестром и Днепром в последней четверти IV века, во главе с «королём» — славянином (чехом), по имени Бож. Анты говорили по-славянски. С образованием в конце IX века великого княжества русского, со столицей в Киеве, в X — XI веках появляется письменность на древнерусском языке, который усваивает литературным путём много слов из старославянского и среднереческого («византийского») языков.

В дальнейшем, в связи со смешением и скрещиванием различных племён и народностей на территории северо-восточной Руси к XIV веку складывается русский (великорусский) язык. В том же столетии из древнерусского языка начинают выделяться братские, украинский и белорусский, языки. Наконец, в недрах Московского царства, а затем Российской империи, в результате концентрации вокруг Москвы северновеликорусского и южновеликорусского наречий и их смешения, складывается московское средневеликорусское наречие, которое и легло в основу современного литературного русского языка.

Таким образом, во всякой группе родственных языков существовал стержневой язык (часто сам уже весьма смешанный), вокруг которого объединялось большое количество разнородных языков. Только в результате этого и могли возникнуть группы родственных языков, так называемые языковые системы.

Что же касается предположений, что якобы один праязык мог разветвиться в целую группу «родственных языков» на пустом месте, без участия многих соседних языков и наречий, то это, конечно, чистая выдумка, лишённая всякого научного основания.

Отправляясь от этих, достаточно изученных примеров, мы можем считать, что и в более древние времена процесс образования сначала племенных языков из стадных, а затем меж-

племенных и народных языков из племенных совершался подобным же образом. Весь ход развития человеческой речи показывает, что она началась со множества мелких, изолированных первобытных стадных языков и пришла к меньшему числу укрупнённых, богатых и развитых национальных и мировых языков современности.

Гитлеровские расисты «обосновывали» и проповедывали необходимость уничтожения всех языков, кроме немецкого. Подлинная наука учит нас равноправию языков, их изучению и использованию в жизни для укрепления взаимопонимания и дружеского сотрудничества всех свободолюбивых наций в их борьбе с общим врагом — гитлеровской Германией,— и в создании прочного мира и международной безопасности в послевоенный период,— каждый сознательный и культурный советский гражданин должен изучать языки союзных нам и соседних наций. «Советский патриотизм,— говорит товарищ Сталин,— не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью... В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами» ¹.

¹ И. Сталин «О Великой отечественной войне Советского Союза», 1944 г., стр. 146—147. 4-е изд.

«Почему люди говорят на разных языках?»

Цена 1 р. 25 к.